

Х. С. Гамидуллаева

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ XX ВЕКА
(на материалах Ленинграда и области)**

*Работа представлена кафедрой гражданско-правовых дисциплин
СПб филиала им. В.Б.Бобкова Российской таможенной академии.
Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент А. В. Семенов*

В статье автор на основе статистического материала раскрывает внутренние процессы, следствием которых стало усиление обвинительного характера советского правосудия и сокращение прав обвиняемых в ходе судебного следствия; внимание уделяется влиянию советской идеологии на принятие судебных решений.

Author, based on statistics, shows internal processes, which were the reason of strengthen of accusing character of soviet trial and decreasing of rights of an accused during the investigation. In this article, great attention is paid to influence of soviet ideology on sentences passed by the courts.

После завершения Великой Отечественной войны советское государство продолжило линию на ужесточение своей карательной политики в отношении уголовной преступности. В сфере уголовного судопроизводства это выразилось в стремлении добиться отказа судей от практики «ничем не оправданных послаблений при определении наказаний». По сути дела, это означало усиление давления на судей с целью вынесения ими максимальных предусмотренных законом наказаний за уголовные преступления. Многочисленные директивы Министерства юстиции за 1945–1953 гг. требовали усиления борьбы с наиболее распространенными видами преступлений (хищения социалистической и личной собственности, спекуляция, хулиганство, криминальные аборт и др.) и недопущения «преступного либерализма» при борьбе с преступностью. Особое недовольство Министерства юстиции вызывали перекалфикация судьями рассматриваемых преступлений на более мягкие статьи, ориентирование их при определении наказаний не на максимальные санкции, определенные законом, а на минимальные и приме-

нение при определении наказаний ст. 51 и 53 УК РСФСР (дающих возможность при наличии смягчающих обстоятельств выносить приговоры ниже низшего предела или не связанные с лишением свободы)¹.

Следствием выполнения данных директив стало, в частности, значительное сокращение применения судами наказаний, не связанных с лишением свободы. Так, если во второй половине 1946 г. судами Ленинградской области к условным срокам заключения было приговорено 9% осужденных за растраты, то во второй половине 1947 г. – 8,4%. В делах о злоупотреблении служебным положением эти цифры составили соответственно 32,9 и 17,9%, по делам о хищении социалистической собственности – 36,5 и 16,9%, спекуляции – 16,5 и 8,8%, кражах личного имущества – 15,6 и 6,4%².

Наиболее заметна эта тенденция стала после вступления в действие указов от 04.06.1947 г. Эти указы максимально ограничили возможность применения судьями своего права усмотрения: судьям напрямую запрещалось применять при рассмотрении дел наказаний ниже низшего предела и условные наказания. В результате в 1948–

1952 г. обычной практикой судов стали осуждения на длительные сроки лишения свободы лиц за мелкие кражи (со стоимостью похищенного несколько рублей), которые ранее прекращались за малозначительностью. Фактически прекратилось и вынесение условных приговоров по делам о хищениях. Так, с июня по декабрь 1947 г. условные наказания получили 0,5% осужденных за хищение социалистической собственности и 0,2% осужденных за кражи личного имущества³.

Требования ужесточения судебной практики судьям районных судов шли не только по линии Министерства юстиции, но и по линии вышестоящих судебных инстанций. Например, член судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда Завенягин, выступая на совещании народных судей в 1948 г., утверждал: «Нужно покончить с либерализмом. По таким преступлениям, как хулиганство, хищения, спекуляция, насилие, ослаблений быть не может». В октябре 1952 г. председатель коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда Сорокин в качестве недостатка в работе народных судей указывал на то, что большинство из них выбирает минимальные сроки наказания, предусмотренные указами от 04.06.1947 г., и выносят приговоры, не превышающие 10 лет лишения свободы⁴.

Наряду с кампанией за ужесточение судебных приговоров с середины 1940-х гг. набирает обороты кампания и за соблюдение социалистической законности. Руководство страны поставило перед правоохранительными органами задачу вести работу так, чтобы к суду не был привлечен ни один невиновный человек. Политико-государственные руководители исходили из идеи совершенства советского закона. Каждый случай привлечения к уголовной ответственности невиновного человека объяснялся исключительно грубыми нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Сам факт оправдательного

приговора или прекращения уголовного дела являлся весомой причиной для дисциплинарного разбирательства против оперативно-следственных и прокурорских работников по факту нарушения ими «принципов социалистической законности». Министр юстиции РСФСР Ю. Басавин требовал в каждом случае необоснованного привлечения к ответственности необходимо строгое наказание виновных⁵.

На практике эта благая идея привела к противоположному результату – значительному снижению числа оправдательных приговоров.

Сотрудники милиции и прокуратуры всеми доступными способами стремились не допустить вынесения оправдательных приговоров, которые означали для них служебные неприятности. Используя неформальные связи с судьями, поддержку партийных властей, они добивались вынесения обвинительных приговоров даже в делах с сомнительными доказательствами. К концу 1940-х гг. число выносимых судами Ленинградского региона оправдательных приговоров заметно сократилось. В третьем квартале 1948 г. судами Ленинграда было оправдано 11,3% подсудимых, судами Ленинградской области – 11,5% подсудимых. В четвертом квартале эти показатели составили соответственно 5,4 и 5,7% подсудимых⁶.

Заменой оправдательным приговорам стало направление сомнительных дел на дополнительное расследование по мотивам неправильной квалификации преступлений и неполного выяснения обстоятельств по делу. Дела, возвращенные на доследование, либо прекращались, либо действия подсудимых перекалвалифицировались по более мягкой статье⁷.

Заметно изменилась в 1940-е – 1950-е гг. и кассационная практика областных судов. Теперь в вопросе о кассации и изменении приговоров они чаще всего выступали на стороне прокуроров, которые заявляли кассационные протесты по мотивам вынесения

необоснованных мягких и оправдательных приговоров. В первом полугодии 1946 г. Ленинградский областной суд удовлетворил 79,7% протестов прокуратуры, во втором – 93,5%. В 1949 г. областной суд согласился с позицией прокуроров по 86% вынесенных ими протестов на приговоры, в первом квартале 1950 г. – по 81,7% протестов. В то же время большинство кассационных жалоб адвокатов оставались без удовлетворения⁸.

Ужесточение подходов к кассационной практике проявилось в деятельности судов областного уровня. В судебной практике Верховного Суда РСФСР демонстрировался более мягкий подход, чем в работе судов областей, краев и автономных республик. Так, из рассмотренных во втором полугодии 1949 г. Верховным Судом РСФСР в качестве кассационной инстанции обвинительных приговоров, вынесенных Ленинградским городским судом, было смягчено 40% и отменено 17% приговоров по хозяйственным и должностным преступлениям⁹.

Различия в судебной практике Верховного Суда РСФСР и судов низшей инстанции министр юстиции Ф. Беляев объяснял следующим образом. По его словам, она обуславливалась различными функциями, которые они выполняли в системе правосудия. Функция Верховного Суда заключалась в том, чтобы демонстрировать «замечательный гуманизм и демократизм нашей Советской страны». Суды же районного и областного звена должны были бороться с преступностью на местах путем дальнейшего ужесточения своей наказательной практики в соответствии с партийными установками. Таким образом, Беляев давал понять народным судьям, что они не должны в своей повседневной деятельности руководствоваться решениями Верховного Суда

РСФСР. Они были обязаны выносить максимально суровые приговоры, оставляя возможность их смягчения на усмотрение Верховного Суда¹⁰. На деле подобная практика приводила к тому, что судебные разбирательства растягивались на несколько лет. Судебные дела ходили по различным инстанциям по несколько лет, в течение которых чередовались судебные разбирательства, измененные и отмененные приговоры, кассационные протесты и жалобы, отправка дел на доследование и т. д. Например, народный суд седьмого участка Фрунзенского района Ленинграда по обвинению в спекуляции приговорил гр. А. к 6 годам лишения свободы. По кассационной жалобе адвоката городской суд отменил приговор и направил уголовное дело на новое рассмотрение в суд четвертого участка того же района. После нового судебного разбирательства дело было направлено на доследование. По протесту прокурора городской суд отменил и это решение и направил дело на рассмотрение в народный суд пятого участка Фрунзенского района. Подсудимый вновь был признан виновным и приговорен к 6 годам заключения. Городской суд отклонил новую кассационную жалобу адвоката. Тогда тот обратился в Верховный Суд РСФСР, который прекратил дело и освободил обвиняемого, пробывшего в предварительном заключении более года, из-под стражи¹¹.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве 1940-х – 1950-х гг. утвердилась позиция, в соответствии с которой главной задачей суда объявлялось не объективное и независимое осуществление правосудия, а борьба с преступностью. Следствием этого стало усиление обвинительного характера советского правосудия и сокращение реальных прав обвиняемых во время ведения судебного следствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленинградский областной архив в г. Выборге (ЛОГАВ) Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 45. Л. 16; Д. 47. Л. 18–19; Д. 52. Л. 33–34, 42, 52–53; Д. 66а. Л. 11–12, 23; Д. 73. Л. 11.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб) Ф. 7179. Оп. 53. Д. 150. Л. 185.

³ Там же. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 757. Л. 23, 46; Ф. 7179. Оп. 53. Д. 167. Л. 24.

⁴ ЛОГАВ. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 127. Л. 37; Д. 128. Л. 37.

⁵ ЦГАСПб Ф. 7384. Оп. 25. Д. 757. Л. 86.

⁶ Отдел специальных фондов Информационного центра ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 25. Л. 10; Д. 26. Л. 12.

⁷ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 377.

⁸ ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 3. Д. 96. Л. 24; Д. 131. Л. 119.

⁹ Там же. Ф. Р-4375. Оп. 1. Д. 77. Л. 44–45.

¹⁰ *Соломон П.* Указ. соч. С. 373.

¹¹ ЛОГАВ. Ф. Р-3672. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.